

The background of the book cover is a stylized, expressive illustration. On the left, a large, textured red shape dominates the space, resembling a close-up of a person's face or a piece of fabric. On the right, a more detailed, sketch-like drawing of a person's face is visible, showing the eye, nose, and mouth with fine lines and shading. The overall style is artistic and somewhat abstract.

Женя
Снежкина

**ДЖИНСЫ,
СТИХИ
И ВОЛОСЫ**

КНИГА СОДЕРЖИТ
ОБЩЕННУЮ ЛЕКСИКУ

Евгения Борисовна Снежкина

Джинсы, стихи и волосы

Серия «Самое время!»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70368934

ISBN 978-5-9691-2429-5

Аннотация

События романа разворачиваются в 1987–1989 годах. Московская школьница Александра пишет стихи и задает взрослым неудобные вопросы. Одноклассники ее травят, но на ее стороне влюбленный в нее старшекласник Миша. Саша стремится найти таких же, как она, не похожих на других, людей, знакомится с поэтами, хиппи, диссидентами, люберами, милиционерами, заново открывает для себя дом, в котором жил Михаил Булгаков, Арбат. Она становится свидетельницей и участницей знаковых культурных событий того времени – премьеры фильма Сергея Соловьева «Асса», первых выступлений уличных поэтов, первых публичных перформансов. Противостояние героини со школой приобретает политический характер. Ровесники героини сравнивают жизнь, в которой выросли они, с той, в которой выросли их родители. Но некоторые реалии тридцатилетней давности возвращаются, так что и люди постарше вспомнят себя в возрасте Саши. И вспомнят годы, когда страна стояла на пороге свободы и без сожаления прощалась с прошлым.

В книге присутствует нецензурная лексика!

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Женя Снежкина

Джинсы, стихи и волосы

Мы вышли из тумана на открытую местность.

Очень многое складывалось в нашу пользу.

А. А. Дельфинов «Поколение щели»

Глава первая

1

Спрятаться на большой перемене можно только в двух местах: библиотеке, которая сейчас была закрыта, и в пионерской комнате. Уже несколько уроков толкнули меня плечами так, что чуть-чуть не полетела с лестницы. Но, в общем, если немножечко собраться, посмотреть под ноги, не обращать внимания на тычки, то с третьего этажа добраться до пионерской комнаты все-таки возможно.

Старшая вожатая на это время фиг знает, куда убегает – может, общаться со своим женихом, может, в учительскую, может, в магазин, но комната на переменах обычно открыта и без присмотра. Добралась и забилась в любимый закуток между книжным стеллажом и знаменем дружины. Спрятать-

ся там и почитать книжку – самое безопасное.

Вот и сейчас – дойти, зарыться в страницу. Правда, я разрывалась между двумя желаниями – еще раз перечитать главу одной книги, которую знала уже наизусть, или подумать об оленях и дождях.

Олени и дожди. Олени и дожди. Что-то в этом такое вытанцовывалось. Какие-то вибрации начинали колебать пространство между небом и горлом. В этом году как будто какая-то железа начала работать. За лето слабость рифмовать все на свете превратилась в острую потребность складывать слова, и эта сила спрессовалась, переродилась в нечто материальное, внутренний орган, который заставлял писать стихи. Они писались пачками, томами, километрами. Иногда даже рука уставала, а они все писались и писались, потому что единственным способом избавиться от них было их записать.

И вот что-то там у них случилось, какое-то электричество между оленями и дождями. Что-то пришло в движение. И теперь они будут цокать и капать у меня в голове, пока я их не запишу. Это даже хорошо. Если сконцентрироваться на словах и вибрациях, они помогают пережить каждый день в школе и игнорировать уродов, которые норовят стукнуть локтями.

Дожди куда-то летели, олени куда-то рвались... И рвались они в загадочную фразу «Бог умер в прошлый четверг». Ага. Оленям туда точно не надо. Значит, олени могут подождать.

И тогда я взяла книжку и начала перечитывать ту самую главу заново. Внимательно рассматривать каждую букву, как будто сам шрифт сможет помочь мне ответить на вопросы, которые я мысленно в нее кричу.

Собственно, книжка в доме появилась совершенно случайно. Ее папа привез из Афганистана – в одной коробке с антологией японской прозы, сказками «Тысячи и одной ночи» и трехтомником Мариэтты Шагинян. Папа не очень умеет выбирать книги. У этой на обложке был нарисован американский флаг, а автора звали Генрих.

И там, буквально на первой странице (а предисловия я никогда не читаю), я обнаружила свидетельства: оказывается, они существуют. Где-то там в неизвестном Нью-Йорке живут мужчины и женщины, которые носят длинные волосы и браслеты, презирают размеренную жизнь, в которой после школы человек обязательно идет в институт, а после института на работу. Там есть люди, которые мало того что произносят слово «бог», они еще о нем разговаривают. Они говорят о любви. «Занимайтесь любовью вместо войны», – говорят они. Оказывается, они есть. Существование этих самых людей занимало меня в данный момент больше, чем олени и дожди. Где они? Если они здесь, в Москве? Можно ли их найти? Я же оттуда, из того мира. Я не знала об их существовании. А сейчас чувствую себя подкидышем в этом мире. Я тоже хочу про цветы и любовь! Если бы только понять, где их искать...

Но, блин, опять помешали. В пионерскую ввалились старшекласники. Кто-то пихнул книжку, она вылетела у меня из рук и приземлилась почти на середине комнаты. Никакой фантазии у людей. Сколько можно ржать над одним и тем же трюком?

Я уже подняла книжку и была готова заползти на место, как в комнату вошел мальчик. Ну, *он* вошел. В какой момент ты понимаешь, что это он? Да ни в какой. Ты просто понимаешь, что это он, и все. Даже совершенно не важно, какой. Ну, школьная форма. Ну, брови густые и волосы ежиком. Главное, что он смотрел только на меня. Даже стало неловко. А он стоял и просто пялился. Я бы начала огрызаться, уж это-то я умею. Но тоже не захотелось.

Тогда он спросил:

– А кто хочет сфотографироваться?

И только тогда я увидела в его руках фотоаппарат. Поскольку смотрел он только на меня, логично было ответить, что я. Тогда он посадил меня на стол. Прямо посадил: взял за талию, приподнял и переместил с пола на стол напротив окна. Что-то такое похимичил с аппаратом, пару раз щелкнул и сказал «готово». Я спросила, когда получить фотографию. Он ответил, что дело небыстрое, проявка, то-се, может занять неделю.

– И как тебя искать?

– Собственно, никак. Я в девятом классе.

– В котором?

– В «А».

– А зовут тебя как?

– Миша.

– Ну хорошо, Миша. Через неделю тогда...

– А чего ты тут сидишь?

– А где мне еще сидеть?

– Пошли во двор?

Ну, раз зовет... Почему нет. Сунула книжку в портфель и встала. На выходе из школы он отобрал у меня портфель.

– Чего ты в школе его не оставила?

– Ага. Чтобы потом тетрадки по всем этажам собирать?

Мы пошли по дорожке вокруг школы.

– Откуда ты меня знаешь?

– Так... Видел...

М-да. В общем не светская беседа.

– Часто фотографируешь?

– Да. Дома поставил лабораторию. Стараюсь что-то делать.

– Будешь фотографом?

– Нет, фотографом я не буду. Слушай, а хочешь посмотреть фотки?

– Да, конечно.

– Давай тогда встретимся после школы, я тебе покажу. Я портреты делаю, пейзажи кое-какие...

– Что, прямо у тебя дома, что ли?

– Ну а где? В сарае?

И пока мы неловко мекали, бляели и пытались раскошегарить разговор, он размахивал моим (моим!) портфелем, а за нами, как антенны поворачивали головы все ученики с седьмого по десятый класс и все проходившие мимо училки. Я шла рядом с Мишей, и это вызвало бешеный интерес. Бешеный!

2

А потом была физра. Надо ли говорить, как все мы любим физкультуру? Особенно я.

Перед уроком в раздевалке начиналось веселье. Она превращалась в Колизей, а гладиаторами становились самые хилые мои одноклассники. Более крепкие пацаны загоняли их в угол, хватали за руки и ноги и вбрасывали несчастных в раздевалку для девочек. Девочки визжали от возбуждения и удовольствия, норовя пнуть ногой нарушителя границ, который приземлялся обычно мордой или в скамейку, или в груды портфелей.

Играть во все это мне совершенно не хотелось, к тому же угнетала необходимость напяливать черные шерстяные трусы, которые считались спортивной формой. Из-за того, что я не очень хорошо двигаюсь, мне никогда не давались танцы и вообще все, что связано с точностью движений. Физкультуру я невзлюбила с первого класса. Не урок, а экзекуция – одна спортивная эстафета чего стоит, когда надо сесть на

мяч и в таком виде проскакать из одного конца спортивного зала в другой. И все это под вопли одноклассников. Ноги раскорячиваются, мяч из-под жопы убегает, к финишу приползаешь последним под гул и улюлюканье не только твоей команды, которая тебя ненавидит по понятным причинам, но и всего класса. И тут еще эти трусы. Поэтому хотелось как можно дольше переодеваться, чтобы хотя бы на пять минут оттянуть очередной такой будничны́й позор.

Ко мне подкатили Светка и Ленка. Светка маленькая и брехливая, больше всего похожая на лающую крысу. А Ленка, наоборот, здоровая, сволочь, как дискобол с бульдожьей рожей. Нападали они всегда по одной и той же схеме: сначала тявкала Светка и говорила какие-то мелкие гадости, чтобы разозлить противника, а потом уже Ленка вступалась за подругу и начинала махать кулаками.

И в этот раз все шло по накатанной.

– Что, Сметлева, с Хохловым гуляешь?

– Это кто?

– Ну из девятого.

– Может, и гуляю...

Я еще не решила, какую тактику обороны выбрать.

– Мала еще.

– Да постарше тебя.

Это правда, я была старше Светки на три месяца.

– Это вообще надо всякую гордость потерять, чтобы с пацанами гулять с седьмого класса. Хохлов твой тоже козел,

непонятно даже, что он в тебе нашел.

– Я фотогеничная.

– Какая?

– На фотографиях хорошо получаюсь.

– Сметлева, я смотрю, ты слишком наглая.

– Твое какое дело? Пойдешь жаловаться на то, что я с мальчиками гуляю?

– Может, и пойдём. Мы, между прочим, вообще не уверены в том, что ты девственница.

И тут мне под хвост шлея попала. Я точно знала, что в такие моменты лучше промолчать, что потом будет гораздо хуже, но красота ситуации и точность возможного удара были так соблазнительны, что я никогда не могла удержаться.

– Полякова, ты, конечно, можешь быть не уверена, а я уверена, что нет.

Они аж подскочили. Вот этот прекрасный момент! Они обе стоят и хватают ртом воздух. Крыть-то нечем. И тут я добиваю:

– Я даже и не помню, сколько у меня было любовников. Только вам это не грозит. Плоскодонки.

Ленка побагровела, подалась вперед и поперла на меня. Слава богу, в этот момент в раздевалку закинули очередного несчастного, который точно спикировал головой Ленке в ямочки под коленями, она повалилась на пол, раздался визг и вой, и куча-мала начала пинать бедного очкарика ногами. Потом пришел физрук, мы пошли в зал. Мне даже не надо

было смотреть на Светку с Ленкой, чтобы понять, что продолжение у этой истории будет.

И ведь сегодня еще только седьмое сентября.

3

Не то чтобы я когда-нибудь ходила на свидания, но особого трепета по поводу встречи с Мишкой не испытывала. Он ждал меня на углу дома. Мы какое-то время потоптались, потом он сказал:

– Слушай, а давай погуляем? Фотографии как-нибудь потом.

Честно говоря, мне тоже хотелось гулять, а не встречаться с его родителями. Вообще взрослых видеть не хотелось.

– А куда?

– В парк...

– Да ну, там под каждым кустом или тетка с коляской, или бабка. Пошли на остров?

И мы пошли. И опять молчали. Потом мне надоело.

– А кто у вас историю ведет?

– Сурен Ашотович.

– И как он?

– Ничего. Про женщин любит рассказывать. Очень. Это полезно: о чем он не начинает говорить, главное – вернуть вопрос про женщину. Была ли у Атиллы любовница, например, или правда ли, что Петром Первым жена помыкала. То-

гда он отвлекается, начинает говорить про нравы, стандарты красоты, а иногда совсем что-то загибает такое, что девчонки краснеть начинают. Мы сидим, слушаем, и никого не спрашивают.

– Везет. У нас Галкина.

– Которая Гыга? Ну и как она?

– Противная ужасно. Шпарит по учебнику. Ничего ни нового, ни интересного. И меня она отдельно не любит.

– Чего так?

– Однажды, когда мы Грецию изучали, она рассказывала про падение империи Александра Македонского. Показывает карту, вот, говорит, империя была такой огромной, плохо управлялась и под воздействием объективных причин пала. А рядом с доской висела карта Советского Союза. Я такая поворачиваюсь, показываю на карту и говорю: «Так вот же!»

После этого она мне и перед классом, и отдельно лекцию читала про нерушимость Советского Союза. Да блин, я же пошутила только, а они потом начали ко мне приставать. И этот, Эдик, сын завуча, пытался вести какие-то воспитательные беседы. Слава богу, теперь он из школы ушел.

– Он недалеко ушел. Теперь в райкоме комсомола работает.

– Ладно, черт с ними.

– А за что тебя еще не любят?

– За все. Наверное, за то, что пришла сюда в четвертом классе, когда все уже друг с другом передружились. А еще

я вру.

– Да ну. Соври что-нибудь.

– Однажды мне так захотелось фигурные коньки, что я пришла к бабушке и совершенно уверенно сказала ей, что к нам в группу в детском саду приходил известный фигурист Игорь Бобрин, посмотрел на меня и сказал, что я прирожденная фигуристка. Я врала в мельчайших деталях, рассказывала, как меня заставляли поднимать ногу, повернуться, присесть, поклониться, и бабушка поверила. На следующий день бабушка пошла и купила мне коньки в магазине уцененных товаров.

– Ничего себе. А мне ты врать будешь?

– Буду.

– Зачем?

– Ну, не знаю... Врать – это... Понимаешь, это как стихи писать. Ты даже не поймешь, что я тебе наврала. Понял?

– Приблизительно.

И тут я увидела, что на той стороне улицы стоит Гыга. Сложила ручки на животе, подняла бровь и уставилась на нас.

Я схватила Мишку за руку:

– Не оборачивайся, ни в коем случае не оборачивайся.

Мишка все понял, опустил голову вниз. Мы прибавили шагу. Он не отпускал мою руку. Мне было приятно.

Добрались до моста. Приблизительно в середине моста между Щукино и Строгино есть спуск на остров между

Москвой-рекой с одной стороны и затоном – с другой. Как правило, там никого нет. Мы спустились по лестнице, я разглядывала рисунки на опорах моста.

– Они слов, кроме «мясо» и «кони», не знают, что ли?

– Можно еще к «Д» «дураки» приписать. Но я думаю, что за «Спартак» и ЦСКА просто больше людей болеет.

Рядом с «мясом» было написано kiss.

– А нам Гыга говорила, что kiss расшифровывается как «киндер СС».

– Не думаю. У них солист еврей.

– А ты откуда знаешь? А ты их слышал когда-нибудь?

– Да у нас в классе у каждого второго кассета. Однажды, когда родственники вернулись из загранки, мне двоюродный брат дал почитать американский журнал про музыку, там статья была.

– И что, прям на английском читал?

– На английском, со словарем. Долго возился, прежде чем разобрал.

– Ого. И чего ты дальше будешь делать? Английский изучать?

– В нашей школе, пожалуй, изучишь. Нет. Буду физикой заниматься. Хотя английский тоже не помешает.

Я остановилась на одном из пролетов лестницы, вытащила пачку «Явы», достала сигарету. Элегантно закурить не получилось – из-за ветра несколько спичек погасли. Но у Мишки глаза на лоб полезли:

– Ты куришь?

– Неважно. Давай лучше про физику. Физика – наука для мальчиков. Ничего не понимаю и формул этих ваших боюсь. У меня всегда была тройка, ну, такая, чтобы журнал не портить. Все эти сила трения, скорость торможения... Гадость какая-то.

– Много ты понимаешь.

– Ни-че-го. Ладно, допустим, ты будешь физиком, и чего ты будешь делать? Бомбу?

– Физики не обязательно бомбу делают.

– А что?

– Разное. Например, всякие теоретические вопросы решают. Про рассеивание лазерного луча, например.

– Я же говорила, тоска.

– Ты про гиперболоид инженера Гарина читала?

– Фильм смотрела.

– Есть луч.

– Есть.

– Он не просто прямая, а... Помнишь, как кино в кино-театре показывают? Аппаратчик светит из аппаратной, проецирует картинку. Это тоже луч. Только из аппарата исходит маленький луч, а картинка в итоге получается большой.

– Ну и?

– А теперь представь инженера Гарина, который едет в поезде и из своего портативного гиперболоида пытается взорвать завод. Представила?

– Ну.

– А теперь представь, что у него вместо гиперболоида стоит киноаппарат. Как ты думаешь, можно такой штукой уничтожить завод?

– Тогда он и все остальное должен сбить. Луч же расширяется.

– Вот! Ты только что решила теоретическую задачу!

Я щелчком выбросила окурок, и мы пошли дальше.

– А ты кем хочешь стать?

– Актрисой.

– Почему?

– Во-первых, у меня тетка актриса. Во-вторых, я люблю, когда сцена, люблю разных людей представлять, думать о том, что они чувствовали.

– Может, поэтому ты так врешь хорошо?

– Может, и поэтому. С детства надевала какие-нибудь тряпки, кого-нибудь изображала. Даже в голову не приходит ничего другого. Просто хочу быть актрисой.

Я задержалась на ступеньке и подождала, пока Мишка спустится вниз. Потом положила руку ему на плечо. Он обернулся. Мы оказались почти одного роста. Я даже чуть выше. Он долго смотрел мне в глаза и не отводил взгляда. А потом взял меня за талию. На этот раз не так быстро, как в пионерской комнате, а медленно, почти обнял, поднял вверх и поставил на землю. Затем опять взял мою руку, и мы прошли по острову.

– А что нужно, чтобы быть физиком?

– Много. Что на физфаке, что в Долгопрудном, конкурс большой. Нужно чем-нибудь отличиться. Езжу по олимпиадам, решаю задачки. Надо, чтобы еще с аттестатом все было в порядке. Лучше, конечно, чтобы медаль, тогда снимется сразу много вопросов.

– А как у тебя получается? Они же кретины.

– С математикой несложно – задачка либо правильно решена, либо нет. А история с русским... Тут можно или с Суреном про женщин разговаривать, либо говорить, что они хотят услышать. В общем, тоже просто.

– Я так не могу.

Мы бродили по острову, говорили о ерунде, все это время он не отпускал моей руки. За руку он и довел меня до подъезда. И опять долго смотрел в глаза. Договорились встретиться завтра в школе.

4

Даже если и были какие-то сомнения в том, что мне сюда, они сразу рассеялись, как только я подошла замку, посмотрела на башенки и полукруглую дверь.

Прослушивание шло в полуподвальном этаже. Постучалась. Мне разрешили войти. Это была комната, в которой помещалось несколько рядов стульев, возвышение, обозначающее сцену, пара ширм. Рядом со сценой стояло кресло-ка-

чалка, в котором сидел совершенно лысый человек с огромным угловатым шинобелем.

Человек кинулся ко мне:

– Еще одна! Проходите, проходите! Давайте знакомиться! Меня зовут Дмитрий Станиславович Володарский. А вас как зовут?

– Александра.

– Да вы проходите, не стесняйтесь! Расскажите немножечко о себе. Вы где живете?

– В Щукино.

– Далеко. Вы про нас как узнали?

– Родители выписывают «Досуг в Москве», там объявление было...

– Очень хорошо. А на сцене когда-нибудь выступали?

– Первое место на конкурсе чтецов...

– Замечательно. Но, Сашенька... Можно я вас буду называть Сашенька? У нас не просто студия, у нас поэтическая театральная студия, а это значит, что наши студийцы, кроме того, что играют в спектаклях, еще и пишут стихи. Вы стихи пишете?

– Угу.

– Почему так грустно? Мне даже становится неловко попросить вас прочесть что-нибудь... Можете?

– Ну могу...

– Пожалуйста, вот тут на сцену встаньте, мы слушаем.

Я посмотрела на этих «мы». В дальнем углу сидел парень

в джинсовой куртке, рядом с ним – черноволосая кудрявая девочка. Оба старше меня. В первом ряду сидели мама и сын. Мама постоянно поправляла мальчику... – ну, как мальчику – у него на лице уже были прыщи и какая-никакая растительность – то шарф, то воротник, а он затравленно озирался, пытался скинуть ее руку и вжаться в стул. Около двери сидела уборщица в халате и шваброй в руках. Ну и этот лысый. Вот и вся публика.

И я начала читать. Читала про оленей. О том, как они бегут за край завтрашнего дня, как цепляют рогами облака и облака становятся их спутниками. Но облакам больно, и они проливаются дождями, а олени бегут себе дальше за горизонт и даже не знают, что кто-то из-за них плакал.

Дмитрий Станиславович похлопал. Уборщица мирно спала. Мамаша тоже похлопала и пнула сына в бок. Тот вздрогнул. Парочка в углу никак не отреагировала.

– Ну что же, Сашенька, проходите, присаживайтесь. Я так понимаю, что мне нужно представиться поподробнее.

Говоря это, он все время посматривал на часы, а потом на дверь.

– По профессии актер, служил в Большом драматическом театре в Ленинграде. Потом в силу обстоятельств был вынужден переехать в Москву, занялся поэтическим творчеством. Недавно я вступил в Союз писателей. Студию при Дворце пионеров я основал только в этом году, так что и для меня это первый опыт. Я думаю, что с нашими студийцами

мы будем делать поэтические спектакли, а также обсуждать творчество друг друга. Давайте, чтобы вы понимали, с кем имеете дело, я вам тоже кое-что прочитаю из своего.

Он откашлялся и начал читать какую-то галиматью. Я потихоньку отошла от сцены и села рядом с парочкой. Они тоже все время смотрели на дверь.

Володарский закончил и вопросительно посмотрел на меня. Я похлопала.

– А теперь давайте я познакомлю вас с нашими замечательными студийцами. Вот, пожалуйста, Ниночка – прекрасная поэтесса и очаровательный критик с хорошими актерскими способностями.

Девочка встала. Я сделала огромное усилие, чтобы не заржать. Ниночка была не очень высокого роста, с милым круглым личиком и огромной, просто карикатурно огромной жопой. Ниночка сделала книксен и села обратно.

Дмитрий Станиславович указал в угол:

– А это у нас Коля. Коля тоже будет большим поэтом.

Высокий Коля встал и поклонился.

Володарский показал рукой на мальчика с мамой. Мама-ша вскочила:

– А это Вовочка! Вовочка тоже пишет замечательные стихи! У него очень большой талант! А еще он умеет играть на саксофоне и на скрипке! А еще Вовочка хороший спортсмен и очень, очень замечательный товарищ!

Я посмотрел на Вовочку. Он опустил голову вниз, но и по

красным ушам было очевидно, что в этот момент Вовочке хотелось провалиться сквозь землю.

Володарский продолжил:

– А теперь, когда мы все собрались, я немножечко расскажу вам о наших творческих планах...

Он закатил глаза и завел какую-то очень пафосную фигу, что-то про культуру, поколения, историю, стены дворца. Уже через минуту слушать это стало невыносимо.

Тем временем Ниночка шепнула Коле:

– Плохи дела!

Я обернулась. Нина начала шептать уже и мне:

– Нас всего тут четверо, а по стандартам студия может организоваться только в том случае, если студийцев будет хотя бы пятеро. Сегодня последний день прослушиваний. Мы были на первом, с тех пор, кроме тебя и этого, – она кивнула на мальчика с мамашей, – никто не пришел. Если в ближайшие полчаса не придет хотя бы еще один участник, делу хана.

– И что делать?

– Ну, не знаю... Пойти в коридор... Уговорить кого-нибудь... Нам только надо, чтобы нас зарегистрировали, а потом если кто-то не будет ходить, ну и черт с ним.

– А тебе это все зачем?

– Я-то так, за компанию, а вот Коле надо. Он в литературный поступает, ему публикации нужны. А с улицы зайти в какую-нибудь «Юность», что там «Юность», даже в «Пионерскую правду» не получится. А так – студия, руководитель

в Союзе, хоть какая-то возможность для публикации. К тому же он стихи может залитовать, что ценно.

Я понимала приблизительно половину из того, о чем говорила Нина. Володарский все вещал.

– И чего мы сидим тогда? Так мы никого не поймаем. Пусть Коля выйдет за дверь и тормозит девушек. Какую получится уговорить – волоки сюда.

Ниночке идея отпустить Колю к неведомым девушкам явно не понравилась, но делать было нечего, и она толкнула его в бок. Коля вздохнул и начал пробираться к выходу.

Володарский вопросительно посмотрел на Ниночку.

– Ему пописать...

Мне тоже понравилось, как Дмитрий Станиславович потупился от неловкости. Но потом опять вскинулся и продолжил про память предков, наследников языка и развитие творческих способностей. Говорил он еще минут пять или семь. Потом дверь распахнулась, и мы увидели Колю, который держал за шкирку какую-то девчонку. У девчонки глаза от ужаса были широко распахнуты.

Коля втокнул ее в комнату и громко сказал:

– Знакомьтесь, это Леночка. Леночка тоже будет с нами заниматься. Леночка еще не пишет стихов, но будет писать. Да, Леночка?

Леночка затравленно посмотрела на него и кивнула. Володарский запрыгал от радости и затараторил:

– Леночка! Проходите, присаживайтесь! Леночка, мы все

будем счастливы с вами заниматься! – Тут он оглядел всех студийцев. – И вот наконец настал тот момент, когда я с легким сердцем могу вам сообщить, что открытие студии состоялось!

Все начали хлопать, а уборщица проснулась, уронила швабру, схватила ее и убежала из комнаты.

– Где ты достал эту Леночку? – спросила я.

– У гардероба. Она перед зеркалом вертелась. Пара комплиментов и почти силовой прием – ну и вот.

– Ничего себе. Даешь.

– Да, Коля умеет очаровывать, – прокомментировала Ничочка.

Володарский раскрыл какой-то журнал.

– Так, пожалуйста, записывайтесь! Вот тут запишите свое имя, фамилию, адрес и телефон.

И мы пошли записываться. За Вовочку записалась его мама. Потом она взяла его за рукав, сказала «Вовочка, попрощайся с преподавателем», тот что-то промычал, и она поволокла его к выходу. Последней записываться подошла Леночка, которую Коля тихонько пихал в спину.

– На сегодня все! Занятия будут по вторникам и четвергам в пять часов. Не опаздывайте, пожалуйста!

Мы попрощались. По дороге к метро я догнала Нину и Колю.

– Слушайте, а вы где живете?

– Мы местные.

– В смысле?

– Тут живем, на Чистых прудах.

– Везет. Мне сейчас еще в свое Щукино пилить.

– Да, далековато забралась. Твоих там точно не водится.

– Каких моих?

– Волосатых. Ты же из них?

– А где они водятся?

Нина и Коля переглянулись.

– Ты чего, совсем не в курсе?

– Нет.

– Где могут водиться волосатые? У памятника самому волосатому русскому писателю.

– А это кто?

– Ну подумай, включи мозги, раз уж ты решила заниматься литературой.

– Толстой?

Нина и Коля захохотали.

– Еще подумай.

Я судорожно начала вспоминать русских писателей. Ни один из них мне не казался достаточно волосатым.

– Гоголь! Николай Васильевич Гоголь, – наконец прервала мои мучения Нина. – Ну все, мы пошли.

Мы помахали друг другу, и я повернула к метро.

Вот это удача, думала я, вот это попадание. Осталось только узнать, где памятник Гоголю.

Гоголей в Москве оказалось два – сидящий и стоящий. Около сидящего никого не было. Там вообще библиотека, и, кроме старушек и очкариков, никто не появляется. На бульваре со стоящим Гоголем действительно собирались именно те персонажи, которых я искала. Я неделю моталась на Гоголевский бульвар, стояла там в кустах, присматривалась и жаждала познакомиться хоть с кем-нибудь, но они даже не замечали меня и проходили мимо. А я очень, очень стеснялась.

На восьмой день я наконец выбрала себе жертв. Они сидели на скамейке. Оба волосатые. У одного волосы придерживал шнурок, а другой собрал их в хвостик. Тот, с хвостиком, еще носил шинель, но не длинную, по колено.

Я подошла поближе, чтобы услышать, о чем они разговаривают. Говорил тот, который в шинели:

– Противно это все. Ты просто сам не видишь, до какой степени здесь невыносимо. Это не город, азиатчина какая-то. И совок. Слово «архитектура» этому городу не знакомо. Посмотри сколько тут всего понатыкано как попало. А это что? – Он махнул рукой в сторону Калининского проспекта. – Это нормально? Ненавижу этот город.

– Ага, лучше по-вашему, по-питерски ходить в ногу, строем и по линиям. Не город, а казарма с позолотой. Лучше уж

наша толчея, чем ваша диктатура прекрасного на болотах.

– Ты меня не убедишь. Посмотри, что это? – Хвостатый показал на здание.

– Сталинский вампир.

Я выдохнула, вытащила из кармана заготовленную сигарету и подошла к ним.

– Ребят, спичек не будет?

Тот, который с распущенными волосами, вытащил из кармана коробок и начал зажигать спички, прикрывая пламя от ветра. Получилось это не сразу, и слава богу, потому что пока он пытался зажечь спичку, я мысленно умоляла: «Пожалуйста, пусть он о чем-нибудь спросит». Потому что я никак не могла придумать тему, которую с ними можно было обсудить.

И он услышал мои молитвы:

– Сестренка, ты как считаешь, где красивее, в Москве или в Питере?

Я остолбенела:

– Я в Питере не была никогда.

– Это как?

– Ну так. Родители не возили...

– Ни фиги себе. Это надо было умудриться за столько лет жизни... Тебе сколько лет?

– Четырнадцать.

Черт, черт, черт! Надо было хотя бы год накинуть!

– И что, за четырнадцать лет родители ни разу не возили

тебя в Питер? Да ладно!

Тот, который с распущенными волосами, сжалился:

– Смотри, это же чудо какое-то!

Тот, который в шинели, посмотрел на меня очень внимательно:

– Надо тебе съездить обязательно. Я послезавтра туда поеду.

– Просто так?

– Не, у меня отец там живет, так что считай, что вписка есть. Хочешь со мной?

– Не знаю, меня родители с незнакомыми людьми не отпустят.

– А ты до сих пор спрашиваешь?

Я кивнула.

– А скажи, у тебя шинель какого рода войск? Мне страшно интересно...

Он долго смеялся, потом положил мне руку на плечо:

– Мать, это не шинель, а бушлат фельдшера скорой помощи. – И нажал указательным пальцем мне на кончик носа.

– Я Бранд, это Ангел, а ты кто?

– Я Саша.

– А человеческое имя у тебя есть?

– Не-а.

– Так ты чего, не из системы, что ли?

– Из системы, из системы. Только я новенькая.

Ангел и Бранд переглянулись.

– Отлично! Давай тебе имя придумывать! – сказал Ангел. – Пойдем старым дедовским способом.

Он взял меня за руку, три раза провел вокруг памятника Гоголю, потом остановил первого встречного волосатого и торжественно сказал:

– Отец, остановись! И, не сходя с этого места, рекни первое слово, которое подумал при виде этой девушки!

О мои уши можно было прикуривать, так они у меня горели. Я чуть было не сбежала, но Ангел крепко держал меня за руку. Волосатый посмотрел на меня, а потом громко сказал: «Дева!»

– Благодарю тебя, иди с миром!

И Ангел повел меня к скамейке, на которой умирал со смеху Бранд.

– Крестил, значит? – спросил он.

Ангел кивнул.

– Теперь он твой крестный.

Я совершенно не могла понять, к чему это меня обязывает и в каких мы теперь отношениях, поэтому начала спрашивать в лоб:

– А вы часто тут бываете?

– Ангел отсюда, по-моему, и не уходит, а я – по мере возможности.

– А что вы тут делаете?

– Как что? Разговариваем.

– О чем?

– О чем – о чем, о жизни, об искусстве...

– А конкретнее?

– Разное. Я, например, терпеть не могу Москву, а Ангел обожает... У нас непримиримые противоречия.

– А ты чем занимаешься? – спросила я Ангела.

– Я художник.

– А в школе ты учился?

– В училище, пока меня не выгнали. Короче, я разочаровался в официальной системе образования. А для корочки хожу в ШеРаМе.

– Куда?

– В школу рабочей молодежи. Контора есть такая, на Курской. Там таких, как я, полно.

– Ну ты даешь! А это что?

– Это, мать, называется фенечка. – Ангел снял со своей руки браслет из бисера и повязал на мою. – Носи, крестница. Первая фенька в твоей жизни.

Бранд потянулся и сказал:

– Что-то кофейку захотелось.

– На Петровку или в Пентагон?

– В Пентагоне сейчас от пятидесятисемиатов не продохнуть. Пойдем на Петровку, заодно и прогуляемся. Ты с нами?

Мы пошли по бульварам. Только сейчас я увидела, сколько в Москве уродливых зданий. Проходя мимо каждого из них – ТАСС, МХАТа, «Известий» – Бранд тыкал пальцем и с раздражением спрашивал: «Что это? А это?» На что Ангел

каждый раз вздыхал и отвечал: «Совок».

Когда мы проходили мимо Дома актера, там стояла толпа. Люди читали газеты, прикрепленные к специальным стойкам, и бурно обсуждали. Мы прошли по Страстному бульвару и на перекрестке с Петровкой зашли в кафе, в котором людей с длинными волосами было видимо-невидимо. Бранд и Ангел со всеми здоровались, иногда представляли меня и мне кого-нибудь.

– Это Дева. А это Собака, Хоббит, Валенок, Ли, Шнурок, Афганец...

Я не смогла запомнить все имена. Бранд исчез в толпе, потом вернулся с чашкой кофе.

– Держи. Сегодня угощаю, но потом платить будешь сама. Мне было так хорошо рядом с ними! Кофе был крепкий, не то что родительский, который они для меня разбавляли до воды. Я таяла от запаха кофе, дыма сигарет и счастья. Я их нашла! Я здесь!

– А можно я приду сюда завтра?

Бранд опять коснулся кончика моего носа:

– Запомни первое правило. Никогда ни у кого не спрашивай разрешения. Второе правило: если пачка сигарет лежит на столе – она для всех.

– А третье?

– Это я тебе, дорогая, потом как-нибудь расскажу.

А про то, что было дома, я даже думать не хочу.

Глава вторая

1

Когда я зашла в студию, там были уже почти все. Леночка, как обычно, сидела в углу и зыркала на Колю, который как обычно о чем-то говорил с Ниной. Через несколько минут после того, как я вошла, дверь приоткрылась, и в эту щелочку влез Вова. Обрато в щель он сказал: «Мама, мама иди уже. Я приду. Пожалуйста, иди». Говорил он тихо и ласково. Нина и Коля переглянулись.

– Как ты живешь с этим?

– Как-то.

– Я не представляю как это, когда тебя пасут двадцать четыре часа в сутки.

– Она меня до сих пор из школы встречает. А я в девятом.

– Фигассе. А чего ты ее не пошлешь?

– Жалко ее.

– Парень, а у тебя не стокгольмский синдром, часом?

Володя грустно посмотрел на Колю.

– Я хорошо знаю, что такое стокгольмский синдром, не шупай мою эрудицию. Просто ты мою бабушку не видел.

Он сказал это так просто и так печально, что мне стало

страшно.

– Подожди. То есть ты это все... Ты вот так... Изображаешь, что ли?

– Подыгрываю. Ну а что делать? Сказать ей «явка провалена»? Бросить ее? Она же по-другому жить не может. Вот так не объяснишь...

Тут в комнату влетел Володарский.

– Дорогие мои студийцы! – начал он с порога. – Последнее время мы были заняты только обсуждением стихов друг друга...

Врал. В основном мы слушали его стихи и иногда выдавливали из себя комплименты.

– Я закончил пьесу! Это будет постановка о поэзии, о словах, о людях, которые говорили слова и этим изменили мир!

– Наверное, про революционеров, – сквозь зубы сказал Коля.

– Ходовая тема, – вздохнула Ниночка. – И война еще.

– Послушайте! Петербург, начало века. В одном из домов города есть необычная квартира, выстроенная в форме башни. И в этой башне, как мы с вами здесь, собираются великие писатели, поэты, художники и философы.

Коля закатил глаза:

– Это он нам Иванова начнет рассказывать.

– В этот дом приходили великие – Мережковский, Гиппиус, Бальмонт, Блок. Они разговаривали о поэзии и в результате изменили не только жизни друг друга, но и русский

язык!

– А как же мы будем играть?

– Как я полагаю, мы пойдем парадоксальным путем. Поскольку девочек у нас больше, чем мальчиков, мы дадим девочкам три постоянные роли. Я вижу в роли Лидии Аннибал вас, Ниночка. Зинаиду Гиппиус может сыграть Саша. А Маргариту Сабашникову сыграет Леночка.

Нинка старательно пыталась не фыркнуть. Наша Леночка-для-статистики – и будет кого-то играть? Да вообще не предполагалось, что она окажется на сцене. Чудом было уже то, что она пришла на все шесть занятий. Мы, конечно, понимали, что она делает это исключительно для того, чтобы понравиться Коле. Но чтобы всерьез писать для нее роль?

Володарский проскакал по комнате.

– Возьмите текст. Я каждому отпечатал экземпляр. Пожалуйста, пройдитесь по нему, скоро у нас начнутся читки.

Он подошел к каждому и раздал по стопочке бумаги. Пролстав несколько страниц, Нина тут же начала возражать:

– Нет, Мережковский никак не мог хвалить Иванова, потому что они находились в жутких контрах.

Она полистала еще:

– Ну и вот тут. Аннибал точно не могла говорить никаких комплиментов Гиппиус. Наоборот, она считала ее страшной занудой и задавакой.

Володарский изумленно посмотрел на Нину:

– Откуда у вас такие познания?

– Подготовительный лекторий к филфаку. Университет, – презрительно сказала она.

– Хм. Я уточню этот вопрос. Возможно, вы мне подсказали несколько интересных драматургических ходов. Но вот здесь, – он наклонился над Володей, – отметьте, пожалуйста, это место... Мне кажется, что из вас получится замечательный Бальмонт.

Потом Коля и Ниночка еще что-то говорили про «Среды», «Золотое руно», Бакста, Соловьева... И, честно говоря, в том, что они говорили, я различала только некоторые фамилии. То есть я знала, кто такой Блок. Дома даже был томик Бальмонта, правда, я его никогда не читала, видела только корешок. Догадывалась, кто такой Брюсов, потому что дома была антология поэзии Серебряного века. Но вот Соловьев? Кузьмин? Макс? Эти имена мне ни о чем не говорили. Поставила галочку «прочитать».

Еще грустнее выглядела Леночка, которая сидела, уткнувшись в рукопись, и по ее стеклянным глазам было ясно, что она не понимает ничего. Мне даже неловко стало. Втянули девочку. Ходила бы она в какой-нибудь кружок кройки и шитья, жила бы спокойно. Вот, бедолага, ведь заставляет себя ходить зачем-то на эти наши занятия, слушать то, чего вообще не понимает.

Между тем Ниночка продолжала читать:

– Подождите! Обыск? Какой обыск на башне?

– Но это как раз известно, – перебил Коля. – Во многих

мемуарах о нем есть упоминания.

Нина недовольно хмыкнула и как будто даже обиделась на то, что Коля хоть в чем-то поддержал Володарского.

– А на кого мне еще посмотреть? – спросил Володя.

– Подумайте про Блока и Волошина.

– Ну какой же из него Макс? – опять Ниночка. – До Брюсова его еще можно дотянуть, но Макс это вот Коля, он может.

– Давайте попробуем. Давайте не будем решать все сразу, подумаем, сделаем несколько этюдов и посмотрим, кто будет исполнять роль лучше.

Мы опять взяли паузу на чтение. Тут уже возмутился Коля:

– Подождите, это что такое? Они поют. Это что, финал? Тут написано: «Они зажигают свечи и поют».

– По-моему, это неплохо, – сказал Володарский, но уже не очень уверенно.

– Вы хотите закончить пьесу хоровым пением? Это какой год?

– Ну, предположим, седьмой.

– То есть вы не знаете, в каком году у вас заканчивается действие?

– Скажем так, седьмой.

– И вот они у вас стоят, взявшись за руки, поют, притом что буквально через несколько месяцев Аннибал умрет, все участники «Сред» друг с другом переругаются, а вы хотите,

чтобы они основали клуб самодеятельной песни?

– Но в этом и есть некоторый драматургический подтекст. Мы, актеры, это знаем, и для нас это финальная песня будет трагической.

– Только у меня большие сомнения в том, что зрители, которые будут смотреть, вообще знают, кто такая Лидия Аннибал и что она умрет через несколько месяцев.

Володарский икнул. Он был растерян и начал фразу, точно не зная, чем ее завершит:

– Нашего зрителя мы можем образовывать постепенно... – И тут его осенило: – А давайте перепишем финал? Давайте вместе продумаем финал пьесы с точки зрения драматургии!

Мы захлопали. И потом еще послушали новое творчество Володарского. На наше счастье, по мере чтения все больше становилось очевидно, что преподавателю захотелось в туалет. Он держался, сколько мог, но потом быстро завершил занятие и рванул за дверь.

Мы как один начали наблюдать за Володей, который надел шарф и пальто. Когда он подошел к дверям, плечи его повисли, и у нас на глазах он превратился в Вовочку. За порогом его ждала мама.

– Мы закончили, пойдем, – ласково сказал он ей и взял за руку.

Мама требовала, чтобы Вовочка тоже со всеми попрощался и уже тянула его к выходу. Коля смотрел ему вслед с боль-

шим сочувствием.

Тут к нам подошла Леночка, которая едва не икала от смущения, но подняла глаза на Колю и спросила:

– Слушайте. Откуда? На уроках же такого не рассказывают.

– Библиотека, – отрезала Нина.

Лена опустила глаза и побежала вон из студии.

– И зачем ты так? – спросил Коля. – Что она тебе сделала?

Ну дура, ну нет у нее книжек, какого черта ты на ней злость-то срываешь? Как будто я не вижу, что ты бесишься оттого, что я один раз похвалил не тебя, а Володарского.

– Потому что он дурак, – огрызнулась Нина.

– Он полезный дурак. К тому же что-то такое он чувствует, раз выбрал сюжет о башне. Смотри. Для нас с тобой это возможность читать людям Мережковского, Кузьмина. В первую очередь, конечно, Кузьмина, потому что фиг кто его теперь помнит. Можно зацепиться за это его предложение о доработке пьесы и ввернуть туда еще парочку. Что-нибудь про Гиппиус и коммунистов.

– Не пропустят, – ответила Нина.

– А мы так как-нибудь сделаем...

– А что Гиппиус думала о коммунистах? – спросила я.

– Ты вообще ничего не знаешь? Она их ненавидела.

Ого. Тяжелее всего мне было признаваться в том, что я чего-то не знаю, но в последнее время, кажется, я только этим и занималась.

– А чего ты так быстро перешел от концепции самовлюбленного дурака к концепции дурака полезного?

С каждой репликой Нины эта сцена ревности становилась все тягостней. Но Коля был терпелив как слон:

– Как тебе сказать... Полезные дураки всегда интереснее. Я еще окончательно не решил, но сама по себе идея мне нравится. Начнем с финала. Потом еще чего-нибудь допишем. Да только тут надо Вовку взять с собой, чтобы он тоже с нами был заодно.

Мы договорились, и начались наши бесконечные перезвоны, болтовня и работа над пьесой.

2

Все дома и в школьной библиотеке было прочитано, изучено, рассмотрено и выучено наизусть. Я день за днем рассматривала альбомы по искусству и особенно рисунки Бакста. Залипла на Саломее. На рисунке танцевала женщина, в ее руках развевалось покрывало. Каждый изгиб даже не тела ее, а зависшей в воздухе ткани отзывался истомой внизу живота. Я смотрела на ее соски, которые проглядывали сквозь прозрачное платье, и прикасалась к своим.

Терпеть это было уже невозможно, нужно с кем-то поговорить. Сунуться к Коле и Нине боязно, вдруг они начнут ржать и говорить колкости? Я еще не забыла, как Нина отшила Леночку. Казалось, что лучше всего на роль собесед-

ника подходит Ангел. Все-таки тоже художник.

И я пошла на Петровку. Но Ангел был занят – какая-то девушка сидела у него на коленях, и он наглаживал ее задницу.

Я пошла за кофе, привалилась к прилавку. Толстая буфетчица Петровна, которую, кажется, звали даже не по отчеству, а по названию кафе, поставила турки на горячий песок. Сначала ничего толком не происходило, потом кофейная вода постепенно густела и превращалась в корочку. Корочка поднималась, и сквозь нее начинали прорываться сначала маленькие пузырьки, они становились все больше и больше, пока кофе не убежал. «Вот так и мои стихи, – думала я. – Еще совсем недавно, в сентябре, это была просто кофейная вода, слова, в которых я видела смысл, но не понимала, что даже их порядок в строке может о чем-то говорить. Теперь это скорее корка. Тут главное понять, в чем фокус...»

Кто-то положил руку мне на плечо. Я вздрогнула и обернулась. Рядом стоял Бранд.

– Взяла уже? Уступай место.

Я села за столик, вскоре и он подсел, кинул пачку сигарет на стол, мы закурили.

– А у вас в Питере все еще есть дом с башней?

– У нас полно башен. Тебе какой?

– В котором Иванов, Брюсов, Мережковский, Блок...

– А... Ты про эту башню. Есть. Я там сто раз был. Ну как был... Не в самой квартире, а на крыше.

– Там что, можно просто так на крышу забраться?

– Можно. Я же говорил сто раз: поедем, покажу.

– Я высоты боюсь. Слушай, ты еще что-нибудь о них знаешь?

– О ком?

– Ну вот о них. Понимаешь, я все уже прочитала. В библиотеке больше нет, в детскую городскую ходить бессмысленно, а во взрослую меня не записывают.

Бранд секунду что-то соображал, потом сказал:

– О! Он же тут где-то ошивается! – Он повертел головой, начал махать руками, щелкать пальцами и кричать: —Валенок! Валенок!

И тут же к нам за стол подсел высокий парень. В отличие от остальных, он был одет, как гопник или детдомовский: болоньевая куртка ни о чем, коротковатые школьные штаны вместо джинсов и очень коротко подстриженные негритянские кудри. Немедленно стало понятно, почему его зовут Валенок.

Бранд показал на меня:

– Валенок, тут надо, чтобы ты помог.

Валенок пристально посмотрел на Бранда:

– Да не дрейфь. Ей по делу, и ничего такого.

Валенок вздохнул:

– Что на этот раз? Сразу предупреждаю, Солжа еще долго не будет.

– Да не, все проще, расслабься. Ей четырнадцать. Во

взрослую библиотеку не пускают, а книжки ей нужны элементарные – Мережковский, Брюсов, Гумилев, Ахматова...

– Ахматова «Без героя»?

– Если подгонишь издание семьдесят четвертого года, будет просто отлично. Ну и от меня «Питер» Белого. Мой дома остался. В смысле там, дома.

– Это можно. С Гумилевым будет сложнее, но там тоже есть издания. Посмотрю у родаков. Только возврат обязателен. Отвечать ты будешь, – и потом уже мне: – Телефон дай свой. Когда соберу, позвоню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.